

I.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО ПОЛЬСЬЮ И БѢЛО-
РУССКОМУ КРАЮ.

Варшавскій дилижансъ отходилъ въ пять часовъ.

У меня все было приготовлено къ отъѣзду, и, чрезъ четверть часа, я и провожавшіе меня знакомые очутились на краковскомъ проспектѣ, въ конторѣ дилижансовъ... Мы пріѣхали немного поздно, и почтарь замѣтилъ, что уже всѣ вещи пассажировъ уложены, и что онъ не знаетъ, какъ поступить съ моимъ чемоданомъ. Но нѣсколько польскихъ золотыхъ разрѣшили затрудненіе : чемоданъ мой тотчасъ положенъ былъ на свое мѣсто.

Оставалось нѣсколько минутъ : кондукторъ протрубилъ уже два раза; наконецъ всѣ успѣлись на свои

мѣста, и съ третьимъ звукомъ трубы карета тронулась, а я, съ провожавшими меня пріятелями, отправился за дилижансомъ въ наемной коляскѣ до самой заставы.

Въ дружескомъ разговорѣ мы и не замѣтили, какъ проѣхали нѣсколько главныхъ улицъ, и опомнились только тогда, когда взѣхали на трясущійся пражскій мостъ, перекинутый чрезъ Вислу, и когда глазамъ нашимъ предстала перспектива довольно широкой рѣки варшавской.

По мосту мы ѣхали довольно тихо. Пражскій мостъ на Вислѣ подвергается немалымъ хлопотамъ во время замерзанія и таянія рѣки, и особенно во время напора льда. Это не что иное, какъ наскоро выстроенный, простой мостъ, соединяющій Варшаву съ Прагою, мостъ въ родѣ лѣтняго рижскаго, что на Западной Двинѣ.

День былъ солнечный, безъ зноя и духоты; оттого и гуляющихъ на мосту оказалось множество. Варшавяне и особенно Варшавянки чрезвычайно любятъ гулять лѣтомъ на пражскомъ мосту; отсюда пробираются они цѣлыми семействами на *саксонскій островокъ* (Saska-kerpa, нѣчто въ родѣ крестовскаго) подышать свѣжимъ, ароматическимъ воздухомъ, попить молока, и поѣсть сметаны... Впрочемъ, на этотъ разъ гуляющихъ на мосту было множество не потому только, что день былъ хорошій, но потому, что этотъ день былъ 24-го іюня, день Ивановъ,

такъ называемый *купальный*, или, какъ выражается простонародье варшавское, день *вѣнковъ* (*wianki*); въ Варшавѣ до сихъ поръ соблюдается языческій обрядъ въ честь славянскаго божества *Купалы*. Около пяти часовъ вечера, на пражскій мостъ стекается почти вся разряженная Варшава. Тутъ вы увидите дамъ, прѣѣхавшихъ изъ краковскаго проспекта, новаго Свѣта, меловой, сенаторской и долгой улицъ, въ коляскахъ и каретахъ, въ богатѣйшихъ шолковыхъ платьяхъ и модныхъ шляпкахъ; тутъ вы найдете и пѣшихъ дамъ, изъ Наливокъ, римарской, электоральной и другихъ отдаленнѣйшихъ улицъ, — дамъ хотя и не богато, но очень мило одѣтыхъ; а сколько разнообразныхъ фраковъ, сюртуковъ, венгерокъ, *чамарокъ*, пальто, самыхъ фантастическихъ!... Все это обгоняетъ, сбиваетъ васъ съ ногъ, толкается, шумитъ, кричитъ, хохочетъ, на протяженіи цѣлаго пражскаго моста. Средній и особенно низшій классъ запасается вѣнками изъ свѣжихъ цвѣтовъ. Что же дѣлаетъ здѣсь вся эта толпа? Дѣвушки бросаютъ въ Вислу вѣнки и смотря потому, унесетъ ли рѣка вѣнокъ съ теченіемъ воды, или подхватитъ его весломъ сидящій въ лодкѣ мальчикъ или взрослый парень, представляющій бога Купалу, гадаютъ о своемъ будущемъ. Если вѣнокъ какой нибудь изъ дѣвицъ подхваченъ снизу, значитъ она выйдетъ замужъ въ томъ году, а если вѣнокъ умчатъ вода — не выйдетъ... Случается, что бросаютъ вѣнки дѣви-

цы и не изъ простаго класса. Потѣха эта продолжается до позднихъ сумерекъ; за тѣмъ большая часть гуляющихъ пробирается на Прагу въ садъ Глинскаго и тамъ проводитъ остатокъ вечера, при звукахъ оркестра гг. *Райчака*, *Кубелка* или *Модлинскаго*.

Такимъ образомъ, несмотря на медленную ѣзду, мы не скучали: глаза наши постоянно встрѣчали разнообразіе въ лицахъ и нарядахъ; мы то и дѣло любовались на эти длинныя вереницы толпившихся Варшавлянъ, которые, сохраняя въ памяти древній суевѣрный купальный обрядъ, до сихъ поръ ежегодно чтятъ воспоминаніе о немъ большимъ гуляньемъ на пражскомъ мосту и бросаньемъ въ Вислу вѣнковъ близъ того самого мѣста набережной, гдѣ, какъ говорятъ преданіе, была божница Купалы.

Оставляя Варшаву на нѣсколько мѣсяцевъ, я хотѣлъ, на прощанье, взглянуть на нее съ пражскаго моста и полюбоваться, съ этого пункта, ея живописнымъ, картиннымъ мѣстоположеніемъ. А дѣйствительно, чудо какъ хороша Варшава со вѣзда брестскаго и петербургскаго, или, ближе, съ пражскаго моста! Глазамъ вашимъ представляется группа зданій самыхъ разнообразныхъ, самыхъ великолѣпныхъ, болѣею частью древнихъ, во многихъ мѣстахъ окаймленныхъ садами и вообще безчисленными деревьями (по преимуществу тополями), зданій, то высокихъ и громадныхъ, въ готическомъ

стилѣ, то небольшихъ, но уютно прильнувшихъ другъ къ другу, то въ одномъ мѣстѣ величаво красующихся своими башнями и куполами на возвышеніяхъ, то какъ бы едва держащихся у обрывовъ и подошвъ этихъ возвышеній. Прямо противъ моста глазъ вашъ не налюбуется видомъ древняго мѣстопребыванія королей польскихъ, нынѣ замка свѣтлѣйшаго князя варшавскаго; у подошвы замка раскинутъ въ англійскомъ вкусѣ садъ, примыкающій почти къ самой Вислѣ или собственно къ пристани, испещренной берланками, парходами и другими судами; выше сада, отъ замка до набережной, роскошная терраса, съ чугунными, узорчатыми перилами и гранитными широкими тротуарами. Съ террасы превосходный видъ на Вислу, саксонскіе островки и Прагу. Правѣе отъ замка, сквозь громаду сжатыхъ зданій, виднѣется древній каменный костелъ (fara) Св. Іоанна, въ готическо-англійскомъ вкусѣ, съ шестью башенками и съ высѣченными изъ камня изображеніями Спасителя и Святыхъ, костелъ по древности своей относящійся ко времени царствованія Сигизмунда III; далѣе выглядываютъ заднія декорациі *старого рынка* (stare-miasto), этой замѣчательной древности; зданія чуть ли не первой въ Варшавѣ *мостовской улицы*, костела *Сакраментокъ* и наконецъ, правѣе, величественные бастионы отлично отстроенной крѣпости варшавской, и между ними роскошные тополи и густые, душистые каш-

таны. И все это окаймляется широкой лентой Вислы... Выше террасы, влѣво отъ замка, прямо бросаются въ глаза : мраморная колонна съ статуей короля Сигизмунда, палацы краковского проспекта, между которыми высится многокупольный, величественный православный троицкій соборъ; лѣвѣе отъ замка—костелы кармелитовъ, визитокъ, с. Креста—очень древняго зданія; внизу, вдоль по всему протяженію надъ Вислою, множество публичныхъ сади-ковъ для гуляній, чудная аллея изъ тополей, тяну-щаяся отъ новаго Свѣта до Сольца и примыкающая почти къ самой набережной Вислы; еще ниже фаб-рики Эпштена и Штайнкелера. Наконецъ, дальше, нѣсколько выше аллен, представляется чудный пей-зажъ сада *Лазенокъ*, названнаго такъ потому, что здѣсь находилась купальни польскихъ королей. Садъ этотъ такъ же обширенъ, какъ нашъ павловскій; въ немъ дворецъ, бельведеръ, *померанчарня*, ботаниче-ское отдѣленіе, обсерваторія, прудъ и лѣтній театръ, на открытомъ воздухѣ, въ древне-греческомъ вкусѣ.

Но вотъ мы переѣхали чрезъ пражскій мостъ, обогнали нѣсколько хороводовъ гуляющихъ и уже подѣзжали къ заставѣ. Нужно было еще сполчася провозиться здѣсь въ виду Варшавы и гулявшихъ Варшавянъ.

Это медленное прощаніе съ Варшавою тяготило меня : по моему, ужъ коли выѣзжать изъ любимаго мѣста, такъ поскорѣе, безъ оглядки. А тутъ еще

стой у заставы, да отгоняй отъ себя жидковъ-факторовъ, которые то и дѣло юркаютъ съ разными предложеніями, а правильнѣе—съ разными предположеніями, какъ бы облегчать тяжесть вашего кармана....

Покораясь необходимости, я присѣлъ въ заставной комнатѣ и, разговаривая съ пріятелями, глазѣлъ на прописывавшаго наши паспорта мальчика, въ ожиданіи мннуты отъѣзда. Ожиданіе длилось около трехъ-четвертей часа. Но вотъ засуетились, забѣгали; начались рукопожатія и цѣлованія между пассажирами и провожавшими ихъ родными и знакомыми... Панъ *коморникъ*, съ перомъ за ухомъ, дипломатически сказалъ : «пора, пора, пане кондукторъ.» Это значило, что кондукторъ долженъ былъ забраться на свое мѣсто и затрубить; это значило, что дилижансъ долженъ былъ ѣхать, такъ какъ уже пробило извѣстное число минутъ извѣстнаго часа. А нужно замѣтить, что варшавскіе дилижансы очень аккуратны. Несмотря на свой ковчегообразный, грандіозный объемъ (въ каждой каретѣ, раздѣленной стѣной на два отдѣленія, полный комплектъ пассажировъ составляетъ 15, кромѣ кондуктора, ямщика и форејтора), варшавскій дилижансъ переѣзжаетъ каждый ямъ ровно во столько времени, во сколько положено переѣхать его,—двухъ минутъ не просрочить, несмотря на то, что подъ такую огромную машину подпрягаютъ

не болѣе пяти лошадей, рѣдко шесть, а иногда такъ и четыре только.

Прощанія кончились.... Пассажиры усѣлись; кондукторъ сѣлъ въ свою каюту; шлагбаумъ подняли, и дилижансъ былъ уже за Варшавой...

Я грустно вздохнулъ и припльнулъ къ углу кареты, въ намѣреніи разглядѣть своихъ спутниковъ. Прежде всего мнѣ бросился въ глаза пожилой жидъ, или, какъ говорятъ Поляки, *старозаконный*... Что-то особенно умное и выразительное было въ его быстромъ, смѣломъ взглядѣ; одѣтъ онъ былъ по европейски и чисто, изъ чего можно было заключить, что онъ небѣдный; а изъ того, что онъ, какъ жидъ, ѣхалъ въ каретѣ, видно было, что онъ даже богатый жидъ, и притомъ съ авторитетомъ : бѣдный жидокъ не рискнулъ бы бросить пяти рублей.... Впрочемъ, не платье и не поѣздка въ каретѣ свидѣтельствовали о состояніи жиды...

Изъ его разсказа можно было судить, что онъ ѣздилъ по свѣту не какъ спекулянтъ только, но какъ человѣкъ образованный, жаждущій чего-то больше, кромѣ удачи въ торговлѣ, кромѣ успѣшныхъ оборотовъ въ спекуляціяхъ. Онъ такъ вѣрно описывалъ эксцентричный характеръ Англичанъ и въ особенности жителей предмѣстья Сити, такъ мѣтко очеркнулъ мнимую комфортность лѣтнихъ Итальянцевъ, такъ умно выводилъ причины паденія, въ последнее время, современной французской литерату-

ры и особенно книгопечатанія во Франціи, такъ натурально изображалъ мелкую и кропотливую дѣятельность Нѣмцевъ, такъ живо рассказывалъ о нравахъ разныхъ слоевъ русскихъ обществъ, что, слушая его, каждый изъ пассажировъ невольно дивился его всесторонней наблюдательности. По всему видно было, что жидъ нашъ былъ исключеніемъ изъ числа тѣхъ жидовъ, на которыхъ мы привыкли смотрѣть съ какимъ-то безотчетнымъ пренебреженіемъ.

Рядомъ съ этимъ умнымъ жидомъ сидѣлъ польскій усатый панъ, провинціальный аферистъ; онъ ѣхалъ въ какое-то мѣстечко для закупки шерсти, отъ своевременнаго сбыта которой ожидалъ огромныхъ барышей.

Усачъ пустился въ торговый разсужденія съ евреемъ; я разсматривалъ остальныхъ спутниковъ.

Противъ меня сидѣлъ учитель изъ бѣлорусскаго мѣстечка; онъ былъ такъ словоохотливъ, что подробно рассказалъ мнѣ о своей службѣ и домашнемъ бытѣ, о своей женѣ, дѣтяхъ, новомъ, имъ самимъ придуманномъ способѣ преподаванія первыхъ четырехъ правилъ арифметики и въ заключеніе приглашалъ меня къ себѣ въ мѣстечко N, обѣщалъ показать мнѣ рѣдкости этого мѣстечка, древніе остатки славяно-русскаго язычества на горѣ Лютичевкѣ, величественный садъ графа Платера, и попотчевать меня западно-двинскою рыбкою *цыртою*.

Возлѣ учителя западно-двинскаго сидѣли двѣ да-

мы: учитель объяснилъ мнѣ шопотомъ, на ухо, прикрывъ свой ротъ рукою, что одна изъ дамъ, старуха, сегодня ночью останется въ мѣстечкѣ Сыцинѣ, а другая, молоденькая, ѣдетъ въ Бѣлоруссію, именно въ могилевскую губернію...

Дама услышала довольно громкій шопотъ педагога и не замедлила прервать его вопросомъ, обратившись ко мнѣ :

— И вы въ Бѣлоруссію ѣдете?

— Да, я ѣду въ минскую губернію.

— Значитъ мы вмѣстѣ ѣдемъ до самого Бреста?

— А дальше развѣ не вмѣстѣ? спросилъ я ее, въ свою очередь, желая предложить ей свое спутничество до Несвижа.

— Дальше я ѣду въ своемъ экипажѣ, съ маменькою, которая ожидаетъ меня уже въ Брестѣ; тамъ пробудемъ мы еще съ недѣлю, а послѣ отправимся въ могилевскую губернію. А вы какъ отправитесь изъ Бреста? спросила она: вѣроятно, въ дилижансѣ до Сенявки?

— Едва ли... впрочемъ, не знаю еще и самъ хорошенько... А я думалъ, что вы поѣдете въ дилижансѣ.

— О, нѣтъ! мнѣ зачѣмъ ѣхать на Сенявку? мы изъ Кобринѣ поѣдемъ на Лиду...

— Да вамъ не для чего и на Кобринѣ ѣхать, за мѣтилъ всезнающій еврей, который, наговорившись

вдоволь съ усачемъ, вздумалъ вмѣшаться въ нашъ разговоръ.

Тутъ онъ сталъ объяснять, гдѣ можно ближе проѣхать въ могилевскую губернію.

Между тѣмъ мы вѣзжали уже въ Милосну—первую станцію послѣ Варшавы.

Милосна—имѣніе князя Любецкаго....

Когда дилижансъ остановился предъ станціею, кондукторъ во всеуслышаніе пассажировъ, выставившихъ головы пзъ оконъ кареты, закричалъ, что въ Милосной положено пить чай, на что дается полчаса времени.

Въ одну минуту изъ обоихъ отдѣленій кареты выпрыгнули разные странники и бросились къ трактиру.

Въ трактирѣ я успѣлъ разглядѣть пассажировъ 2-го отдѣленія и изъ 2-го этажа... То были четыре дамы, довольно пожилыя, провинціалки; одѣты онѣ были довольно недурно по варшавски, но ихъ манеры и громкій хохотъ ярко обличали подляское происхожденіе.

Всѣ четыре ѣхали въ Межерѣчье. Съ ними вошли, или, правильнѣе, влетѣли какіе-то два юноши. По смѣлому взгляду этихъ юношей, толканію всякаго встрѣчнаго и цоперечнаго, по странному наряду—оба они были одѣты въ какіе-то уродливые сюртуки и необыкновенно пестрые панталоны — по очкамъ на носу у каждаго, по безпрестанному куре-

нію сигаръ, видно было, что они недавно изъ за школьной парты и со всевозможнымъ геройствомъ пользовались дарованною имъ вакаціонною свободою. Тотъ и другой, какъ только рты ихъ освобождались отъ сигаръ, немилосердо свистали, не обращая ни на кого вниманія; въ рукахъ у нихъ было по хлыстику, которымъ они дразнили трактирную собачку.

Всѣ эти шесть штукъ забрали цѣлое отдѣленіе кареты и такъ ѣхали до самого Межерѣчья.

За тѣмъ еще три поселенца 2-го этажа... Но то были обычные мелкіе торгаши варшавскіе, неизвѣстно къ какому классу принадлежавшіе; всѣ трое одѣты были довольно грязно и, показавшись на минуту въ комнату, вышли.

Мы усѣлись за тремя столами, помѣщенными въ одной небольшой комнатѣ, въ которой вмѣстѣ устроенъ былъ и буфетъ. Кто не бывалъ въ Польшѣ, а особенно въ провинціи ея, тому, безъ сомнѣнія, любопытно будетъ составить себѣ понятіе объ устройствѣ польскихъ гостинницъ или трактировъ, о тамошней прислугѣ, кушаньяхъ и прочемъ. Всѣ польскіе городки и даже деревушки имѣютъ трактиръ, или гостинницу, или кофейную. Каковъ трактиръ, какова гостинница или кофейная, объ этомъ не спрашивайте.

Нерѣдко какая нибудь кофейная или трактиръ польскій—не что иное, какъ русскій погребокъ съ

распивочною продажею : два-три столика, будто крашенныхъ, пять-шесть истертыхъ, гдѣ-то на аукціонѣ купленныхъ стульевъ и грязный буфетикъ — вотъ все, что составляетъ *украшеніе* такого трактира. Подобные трактиры и кофейныя вы встрѣтите даже въ нѣкоторыхъ улицахъ варшавскихъ; но въ провинціи польской, по дорогамъ, вездѣ такіе маленькіе, неопрятненькіе, съ низкими комватками, трактиры. Одно только хорошо въ польскихъ трактирахъ или кофейныхъ : это—живая, ловкая прислуга, состоящая обыкновенно изъ миловидныхъ дѣвушекъ.

Срочные полчаса очень скоро прошли, и вотъ рожокъ кондуктора раздался у открытаго окна станціи ; дамы очень сердились, что не успѣли допить своей гербаты (*herbatam aquam*, настой изъ травъ) и доѣсть пирожного, которымъ онѣ запаслись въ Варшавѣ на всю дорогу. Юноши фыркали отъ досады, что имъ не дали докурить сигаръ, отъ ѣдкаго дыму которыхъ кашляли ихъ сосѣдки.

Звукъ кондукторской трубы раздался, и станція опустѣла.

II.

Былъ настоящій вечеръ, когда мы двинулись изъ Милосной. Солнце пряталось межъ высокихъ сосенъ и елей; прохладный вѣтерокъ подувалъ въ раство-

ренныя окна кареты. Пріятная дремота овладѣвала нѣкоторыми, а я почти собирався спать. Жидъ нѣсколько разъ начиналъ декламировать монологи на разныя варіаціи, стараясь поддержать во мнѣ бодрствованіе; но я сладко дремалъ, не трогаясь его убѣжденіями, что вредно спать въ дорогѣ до совершеннаго заката солнца.

Ночью мы проѣхали Минскъ, Калушинъ, Стѣльце, Збучинъ, Межерѣчье, Сыцинъ и уже въ Бялой выгрузились на станцію для завтрака.

Не видѣвъ на этотъ разъ ни одного изъ упомянутыхъ мѣстъ, по случаю ночной ѣзды, естественно я долженъ былъ бы умолчать о нихъ; но такъ какъ прежде не разъ ѣздивъ я изъ Варшавы въ Бялу на такъ называемыхъ *долгихъ* и имѣлъ возможность разсмотрѣть эти мѣста, то считаю небезполезнымъ передать хоть кое-что объ этихъ городкахъ и познакомить съ ними читателей по прежде составленнымъ мною замѣткамъ.

Минскъ (польскій) и Калушинъ—мѣстечки губерніи варшавской, станиславовскаго уѣзда. Второе—очень грязное и пустое мѣстечко; вся замѣчательность его состоитъ въ томъ, что оно набито почти одними жидами, неопрятными, мелкими торгашами.

Минскъ имѣетъ то преимущество предъ Калушинымъ, что въ немъ покрайней мѣрѣ есть два-три каменные дома, а всѣ прочіе болѣе или менѣе содержатся опратно подъ бѣлую краску; нѣкоторые

улицы вымощены камнемъ. Это мѣстечко довольно древнее; начало его относится въ XV столѣтію (1420 г.) и имѣетъ свое баснословное преданіе. Простонародье утверждаетъ, что на мѣстѣ нынѣшняго Минска была маленькая деревушка *Менско*, построенная какими-то женщинами, но послѣ сожжена чародѣемъ-исполиномъ, и въ одну недѣлю выстроенъ новый, красивый городъ. Минскъ, дѣйствительно, былъ когда-то городомъ, но теперь—крошечное мѣстечко, съ 780 жителями, безъ всякихъ правъ, состоитъ родовымъ имѣніемъ гг. Езерскихъ. Нѣкоторое украшеніе Минска составляетъ извилистая рѣчка *Сребрна*, но болѣе—*палацъ* въ новомъ вкусѣ и древній каменный костелъ въ формѣ креста.

Городъ Сѣдльце принадлежитъ къ числу городовъ польскихъ не новѣйшихъ; онъ явился въ XVI вѣкѣ и извѣстенъ былъ въ то время какъ деревня, подъ именемъ *Новаго Сѣдльца*; уже въ 1547 г. Сигизмундъ I далъ ему право нѣмецко-магдебургское, освободилъ жителей отъ податей и управленіе ими поручилъ *войту*. Въ XVII вѣкѣ онъ сдѣлался владѣніемъ князей Черторижскихъ и потомъ, въ концѣ XVIII, перешелъ къ Огинскимъ. Въ настоящее время городъ Сѣдльце замѣчателенъ табачною фабрикою, доставляющею курительное зелье всѣмъ частямъ Польши, состоящимъ во владѣніи Россіи, и нѣсколькими незначительными ярмарками; причисленъ къ люблинской губерніи и имѣетъ 6,470 жителей.

Збучинъ и Сыцинъ — это небольшія деревни. Межерѣчье славится ловкими факторами и мнимыми контрабандистами. Не успѣете вы слѣзть съ экипажа, какъ васъ окружаютъ разные жида, жидовки, жиденята и набьютъ ваши уши самыми громкими, краснорѣчивыми объясненіями о прекрасныхъ, дешевыхъ товарахъ; объявляютъ они о товарахъ позволенныхъ, франкерованныхъ, но если вы вздумаете послѣдовать за которымъ нибудь изъ этихъ глашатаевъ, то онъ васъ затащитъ чуть ли не въ преисподнюю, куда свѣтъ не проникаетъ, и тамъ, подъ секретомъ, станетъ раскладывать предъ вами мнимую контрабанду, особенно кружева и шолковыя матеріи, такъ называемыя французскія; если вы легковѣрны, васъ обманутъ; вы обрадуетесь, что купили дешево, а какъ поразсмотрите покупку при свѣтѣ Божіемъ, и выдетъ, что купили тряпки, да и дороже, чѣмъ въ лавкѣ или въ магазинѣ....

Но вотъ мы въ Бялой.... Почти сонныхъ вывелъ насъ кондукторъ изъ дилижанса, и мы побрели въ трактиръ : тутъ я не нашелъ нѣкоторыхъ спутниковъ и спутницъ, оставшихся въ Межерѣчьи, но на мѣсто ихъ явились новые. То были два чиновника и какая-то дама, отправлявшаяся въ Тересполь.

Въ Бялой назначено было для отдыха два часа, и я, выпивъ на-скоро стаканъ кофе, бросился повѣ-

рять все прежде записанное мною объ этомъ городкѣ.

Я очутился на большой квадратной площади, вымощенной крупнымъ камнемъ, могущей поспорить своей обширностью съ любою варшавскою, и, почти пробѣжавъ ее, поворотилъ вправо къ старинному бяльскому замку, древнему мѣстопробыванію извѣстныхъ магнатовъ Радзивилловъ, изъ линіи несвязской, именовавшихъ себя *графами на Бялой*. Сохранившійся до настоящаго времени замокъ построенъ Радзивиломъ-Спроткой на значительномъ возвышеніи, дающемъ поводъ думать, согласно съ народнымъ преданіемъ бяльскимъ, о нѣкогда-военныхъ укрѣпленіяхъ его; онъ окруженъ валами, деревьями, рѣкою Красною и рвомъ; стиль его древній. Отъ фронта съ шоссе высится каменная башня съ часами, съ различными семейными рѣзными портретами, барельефами и изображеніями рыцарскихъ доспѣховъ, — вышиною въ 50 аршинъ (16 сажень); внизу ея большія, широкія, каменные ворота ведутъ на четвероугольный обширный дворъ.... Тамъ, противъ воротъ и башни, виднѣются остатки *палаца*, или замка, въ три этажа, нѣкогда украшеннаго, по срединѣ, главною башнею въ три окна большихъ съ семейнымъ гербомъ, сохранившемся до сихъ поръ, а съ обѣихъ сторонъ — галлереями, портиками и небольшими башенками по угламъ. Есть еще старики, которые помнятъ это громадное зданіе во

всей его красотѣ и великолѣпію. Это древнее достояніе Радзивилловъ, любимое жилье знаменитаго оригинала *Пане-Коханку* (Карла-Радзивилла), умершаго въ бяльскомъ замкѣ 22-го ноября 1790 года, теперь заброшено. Сохранилась довольно хорошо только середина палаца, прикрытая скороспѣлою кровлею; но и это не на долго.... Внутренность великолѣпныхъ залъ въ древнемъ готическомъ вкусѣ; въ особенности поражаетъ огромнѣйшая балъная зала въ первомъ этажѣ. На потолокъ и стѣнахъ этой залы до сихъ поръ сохранились барельефы. Въѣздъ чрезъ башенныя ворота воспрещенъ, и на замковый дворъ можно добраться чрезъ разрытые валы съ задней стороны башни. Обширный замковый дворъ застроенъ жилыми зданіями; посреди разведенъ маленькій бульваръ изъ вербъ и лозы. Говорятъ, что при замкѣ нѣкогда былъ славный звѣринецъ, гдѣ одиѣхъ ланіэлей было до 600, кромѣ множества другихъ рѣдкихъ звѣрей...

Послѣ замка, въ Бялой замѣчательна, и по своей древности и по великолѣпію, каменная уніатская церковь базиліанская, построенная въ самомъ началѣ XVI вѣка Станиславомъ Радзивилломъ, который самъ былъ послѣ уніатомъ, какъ значится въ церковной описи, и много покровительствовалъ бяльскимъ уніатамъ. Причтъ церковный съ благодарностью вспоминаетъ объ этомъ ревнителѣ уніи, завіщававшемъ въ пользу церкви много земель, кото-

рыми причѣмъ пользовался до извѣстнаго опредѣленія о церковныхъ и монастырскихъ фундушахъ. Въ этой церкви, почти при самомъ боковомъ престолѣ, покоится набальзамированное тѣло Іозефата Кунцевича, бывшаго полоцкаго уніатскаго архіепископа, перевезенное сюда въ 1765 году, во время смуты при Августѣ II. Настоятель монастыря (при церкви), тоже отецъ Іозефатъ, былъ такъ добръ, что вскрылъ малое отверстіе гроба и доставилъ мнѣ возможность разглядѣть дорогое облаченіе набальзамированнаго покойника : тѣло одѣто въ епископскія ризы, по уніатскому обряду; ризы — дорогія, шитыя серебромъ; на указательномъ пальцѣ правой руки — богатый перстень; на ногахъ — атласные башмаки, испещренные золотою канителью; все это перемѣняется въ случаѣ пожертвованія новаго облаченія. Надъ гробомъ помѣщено изображеніе архіепископа Іозефата во весь ростъ; живопись порядочная.

Немалымъ украшеніемъ базиліанской церкви служатъ древнія икона Маріи Магдалины; какая-то невыразимая, святая покорность и смиреніе ярко отпечатлѣны во всей фizioноміи праведницы, согласно съ евангельскимъ повѣствованіемъ о пей. Долго стоялъ я неподвижно предъ образомъ Маріи Магдалины, и, казалось, какая-то невидимая сила приковывала мои глаза къ нему. Почтенный отецъ Іозефатъ замѣтилъ мое удивленіе и объяснилъ мнѣ, что этотъ образъ обращаетъ вниманіе всякаго пу-

тешественника, и нѣкоторые предлагали за него большія суммы.

Замѣчательно, что въ главномъ большомъ алтарѣ этой церкви престолъ устроенъ не при стѣнѣ, какъ это было у западно-русскихъ униатовъ, то есть въ духѣ римско-католическомъ, но посреди алтаря — въ духѣ православно-католическомъ. Это наводитъ на ту мысль, что православіе польскихъ униатовъ поддерживалось сосѣдствомъ ихъ съ жителями западной Россіи, отъ которыхъ они нѣкогда, какъ извѣстно, отдѣлились. До сихъ поръ, начиная съ Бялой и дальше, вокругъ Залѣся, Хелма, Яблочна и до самаго Бреста, польскіе униаты говорятъ языкомъ западно-русскимъ, именно полѣскимъ, точно такъ же, какъ жители пинскаго уѣзда минской губерніи. Даже самые обычаи, преданія, повѣрья и костюмъ чисто полѣскіе. Выходя изъ церкви, я встрѣтилъ на площади трехъ греко-униатскихъ прихожанъ и изумился рѣчи ихъ не польской, а западно-русской, а что особенно — чертамъ лица, вполне отдѣляющимъ ихъ отъ польской фізіономіи. Прихожане бяльской церкви — остатки древняго, осѣдлаго западно-русскаго, или галицкаго народа, хорватскаго племени, разсѣлившагося въ нынѣшнихъ городахъ: Замостьѣ, Красностанѣ, Хелмѣ, Ленчнѣ, Сѣдльцахѣ, Межерѣчьи и вообще Подлясьи, — народа, нѣкогда исповѣдывавшаго православную вѣру вмѣстѣ съ королемъ Мечиславомъ и супругою его Домбровкою;

но въ смутныя для Россіи времена униі затертаго могуществомъ и силою католическаго фанатизма, памятникомъ котораго служатъ нѣкогда белзская, нынѣ хелмская униатская епархія и недавно возвращенный въ нѣдра православія яблочинскій монастырь.

Великолѣпію церкви внутреннему соотвѣтствуютъ благолѣпіе и чистота вѣшняя, или наружная: приличная ограда, нѣсколько вѣковыхъ, тѣнистыхъ деревь, небольшой садъ и хорошенькій цвѣтникъ придаютъ храму Божію немало красоты. Существующій при церкви монастырь невеликъ: нѣсколько маленькихъ келій, три-четыре монаха, столько же послушниковъ, и привратникъ — вотъ весь составъ обители. Въ одеждѣ, пищѣ и самыхъ пріемахъ монашествующихъ видны благочестіе, смиреніе и преданность своему служенію, въ чемъ подастъ примѣръ самъ настоятель, почтеннѣйшій отецъ Іозефъ.

Изъ римско-католическихъ храмовъ замѣчательна здѣсь фара (соборъ), построенная въ 1520 году, во имя св. Ядвиги. Кромѣ своей древности, она можетъ указать на событія, которыя поражали ее въ продолженіе двухъ вѣковъ. Во время распространенія кальвинизма, въ 1550 году, она обращена была въ костелъ кальвинскій; потомъ, когда ученіе соцініанское проникло въ Польшу, фара была храмомъ общества этихъ новыхъ вѣрователей; наконецъ, въ

XVII вѣкѣ, обращена была въ домъ аріанскихъ еретиковъ. Уже въ концѣ XVIII вѣка, при содѣйствіи Радзивилловъ римско-католическаго исповѣданія, возвращено ей назначеніе римско-католическаго костела, или собора.

Есть еще: костелъ св. Барромея, монастырь Сестеръ Милосердія, при которомъ госпиталь и воспитательный домъ для дѣвочекъ и мальчиковъ, болѣею частію сиротъ, и костелъ реформатскій, построенный въ 1671 г.

Есть *уѣздное училище*, нѣкогда академія (Bialensis Colonia), какъ передаетъ Старовольскій, построенная, въ 1628 году, Александромъ Людовкомъ Радзивилломъ, ревностнымъ покровителемъ наукъ и художествъ; въ этой академіи, въ 1653 г., было торжественное засѣданіе польскихъ магнатовъ, подъ предсѣдательствомъ короля Яна-Казимира, по возвращеніи его съ брестскаго сейма. Въ 1706 году въ ней останавливался шведскій король Карлъ XII и не разъ удостоивалъ своего вниманія лекціи наставниковъ.

Жителей въ Бялой считается 3,600.

Вообще же о Бялой можно сказать, что это очень миленькій, чистенькій и даже красивенькій городокъ. Въ Бялой отдохнешь пріятно. Конечно, здѣсь нѣтъ великолѣпія и громадности домовъ, нѣтъ широкихъ улицъ, но зато есть очень изящные двухъ-этажные

и даже трехъ-этажные дома, съ довольно щегольской архитектурой.

Возвращаясь изъ своего двухъ-часоваго обзора, я увидѣлъ въ окнахъ одного дома нѣсколько знакомыхъ лицъ, приглашавшихъ меня зайти. Но, при всемъ моемъ желаніи навѣстить ихъ, я могъ только обмѣняться съ ними двумя-тремя словами на улицѣ: рожокъ кондуктора во второй разъ раздался на площади... Я поспѣшилъ къ дилжансу.

Отъ Бялой до Бреста оставалось всего два очень малые переѣзда, и мы бы могли проѣхать такое пространство въ два, много въ три часа, но остановка на бывшей пограничной таможенѣ, нынѣ станціи, въ Тересполь, по случаю сдачи почты, была причиною нашего промедленія, и мы доѣхали до Бреста едва въ первомъ часу пополудни.

Тересполь — деревушка (или, какъ называютъ обыкновенно, мѣстечко) — лежитъ надъ самымъ Бугомъ и составляетъ границу между русскими и польскими губерніями, — деревушка, нѣкогда считавшаяся городомъ брестскаго воеводства, а нынѣ причисленная къ люблинской губерніи, бѣльскому уѣзду.

Начало Тересполя, собственно нынѣшняго, относится къ XVIII вѣку (1743 г.); но на этомъ же мѣстѣ, гдѣ теперь стоятъ мѣстечко Тересполь, нѣкогда былъ красивый городокъ *Болотковъ*, построенный еще при Сигизмундѣ III, украшенный ботаническимъ

садомъ и славившійся величественнымъ *королевскимъ палацомъ*. Палацъ этотъ стоялъ между нынѣшнимъ Тересполемъ и *Лобачевымъ* — казеннымъ имѣніемъ: въ немъ жилъ постоянно плоцкій епископъ, бывшій королевичъ Карлъ, сынъ Сигизмунда III; на мѣстѣ его нынѣ винокурня и разныя мелкія хозяйственныя пристройки. Въ этомъ палацѣ не разъ пировали короли польскіе, пріѣзжавшіе на брестскіе сеймики. Когда Янъ-Казимиръ созвалъ сеймъ въ Брестѣ, въ 1653 году, и отправился самъ туда, то оставилъ заболѣвшую жену свою на нѣсколько дней въ Болотковѣ; королевѣ до того понравился болотковскій палацъ, что она, и не выздоровленіи, захотѣла прожить въ немъ до конца сейма. Еще въ 1722 г., Болотковъ былъ значительнымъ торговымъ городомъ, откуда польскіе и жидовскіе купцы отправляли туземные товары въ Лейпцигъ и Данцигъ. Въ послѣдствіи Болотковъ низошелъ на степень мѣстечка : съ такимъ значеніемъ онъ перешелъ къ дарственнымъ владѣніямъ Поцѣвѣ; у одного изъ нихъ, именно Людовика Поцѣя, купилъ его извѣстный современникъ Августа III, подскарбій вел. княж. литовскаго генералъ Георгій Флеммингъ, родомъ Нѣмецъ, лютеранинъ, послѣ католикъ, по случаю вступленія въ бракъ съ княжною Черторижскою. Онъ расширилъ Болотковъ разными каменными пристройками, заводами, лавками и палацомъ въ новомъ вкусѣ, потомъ назвалъ его именемъ своей жены — Терезы — Те-

респоль. Онъ завелъ въ новомъ своемъ имѣніи ярмарки для сбыта шерсти и рогатаго скота; ярмарки эти до того увеличивались годъ отъ году и дѣлались извѣстными, что въ Тересполь съѣзжались купцы со всей Польши, Литвы, Малороссіи; даже прирейнскіе, берлинскіе и вѣнскіе спекулянты вывозили оттуда огромное количество шерсти. А чтобы болѣе дать ходу фабричнымъ своимъ товарамъ, Флеммингъ уговорилъ нѣкоторыхъ заграничныхъ нѣмецкихъ купцовъ навсегда поселиться въ Тересполь и подарилъ имъ немало земли для постройки домовъ. Такимъ образомъ, спустя нѣсколько лѣтъ, явилось торговое мѣстечко, сдѣлавшееся извѣстнымъ всѣмъ сосѣднимъ Польшѣ государствамъ, — мѣстечко чистое, опрятное, во вкусѣ нѣмецко-саксонскомъ. Къ несчастію, Флеммингъ жилъ въ годы бурнаго самовластія Польши, когда усиливались партіи республиканскія, которымъ онъ всегда противился, — а потому нажилъ себѣ не мало враговъ, къ числу которыхъ принадлежалъ и виленскій воевода, владѣтель Несвижа, князь Карлъ Радзивиллъ; враги завидовали силѣ и могуществу Флемминга при дворѣ и, пользуясь государственными смутами, искали повода ослабить вліяніе его на противную имъ партію. Въ 1764 году, Карлъ Радзивиллъ, проходя съ войскомъ чрезъ Бѣлу, напалъ на Тересполь, разграбилъ его, сжегъ множество каменныхъ зданій и разогналъ нѣмецкихъ купцовъ. Съ этого времени Тересполь поте-

рялъ свое значеніе и почти совершенно упала торговля его. А между тѣмъ Флеммингъ былъ уже слишкомъ старъ, а потому не имѣлъ терпѣнія и силъ заняться возстановленіемъ разграбленнаго мѣстѣчка. Отъ Флемминговъ, по наслѣдству, Тересполь перешелъ къ Черторижскимъ, въ 1769 г. Теперь Тересполь считается казеннымъ имѣніемъ.

Слѣды прежняго богатства и устройства Тересполя видны лишь въ нѣкоторыхъ каменныхъ лавкахъ и магазиннахъ. Оставался великолѣпный доминиканскій монастырь, построенный, въ 1697 году, Осипомъ *Слушко*, но въ 1848 г. онъ сгорѣлъ; на мѣстѣ его строится новый небольшой.

Въ Тересполь мы въѣзжали часу въ 11-мъ утра. Передъ нами предстало очень грязное мѣстечко, окаймленное, впрочемъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и углахъ, каменными домиками и множествомъ низенькихъ лавокъ. По сторонамъ шоссеиной улицы чернѣлъ соръ и всякая нечистота, набросанная вдоль домашнихъ заборовъ. Мы постоянно встрѣчали пейсы, войлочные шляпы, мѣховыя (не смотря на лѣтнее время) шапки и латаные-перелатаные *пантѳли*. За нами и передъ нами бѣжали тереспольскіе уличныя мальчишки, безъ шапокъ, въ изорванныхъ кафтанишкахъ, а больше въ однѣхъ рубашонкахъ. Такъ и видно было, что съ Тересполя начинались уже незавидныя селенія поселянъ, перемѣшан-

ныхъ съ племенемъ израильскимъ, составляющимъ немалую часть народонаселенія западной Россіи.

Я съ нетерпѣніемъ высматривалъ изъ окна кареты, скоро ли мы остановимся передъ оградою бывшей таможни. Нынѣ останавливаются здѣсь дилижансы потому, что здѣсь устроена почтъ-экспедиція и назначена сдача большой почты, привозимой изъ Варшавы, Седлецъ, Межерѣчья и Бялой.

Сдача почты кончилась. Нашъ повезли въ Брестъ. Окрестности Бреста съ тереспольскаго вѣзда весьма живописны. Проѣзжая черезъ крѣпостные валы, мы были изумлены превосходнымъ цѣпнымъ мостомъ. Этотъ мостъ похожъ на цѣпной, что у лѣтняго сада; различіе то, что брестскій длиннѣе и цѣпи на немъ изъ сплошныхъ проволокъ, а на петербургскомъ — изъ литаго чугуна.

Но вотъ переѣхали мы чрезъ мостъ, проѣхали шлагбаумъ крѣпостной, миновали новонасаженный паркъ, раздѣляющій городъ отъ крѣпости, промчались мимо красивой аллеи, ведущей къ городской заставѣ, и, наконецъ, къ 1-му часу по полудни, очутились передъ большимъ зданіемъ брестскаго почтамта.

Не прошло десяти минутъ, какъ пассажиры разбрелись по городу; у почтамта осталась только толпа носильщиковъ, не получившихъ на свою долю, для переноски, чемодана, и множество факторовъ, безъ успѣха прождавшихъ у кареты часа два до

прихода дилижанса : всѣ они сердито перебранивались съ почтарями и почтальонами.

III.

Послѣ маленькаго отдыха въ почтовой гостинницѣ, первымъ дѣломъ моимъ было позаботиться насчетъ дальнѣйшей поѣздки въ Бѣлоруссію. По справкѣ оказалось, что я ошибся въ днѣ отхода почтовой кареты изъ Бреста въ Слуцкѣ; нужно было два дня подождать, чтобъ отправиться въ дилижансѣ. Но дѣла мои не позволяли такого замедленія, и я рѣшился ѣхать на перекладныхъ. Для этого нужно было выхлопотать подорожную. Я отправился къ городничему, который былъ такъ добрѣ, что приказалъ доставить мнѣ въ гостинницу и билетъ и подорожную.

Я преспокойно отправился на квартиру — въ гостинницу. Но въ гостинницѣ мнѣ не сидѣлось.... Мнѣ хотѣлось полюбоваться на Брестъ и наглядѣться на его мѣстности, его древности, остатки брестской старины, столь знакомые мнѣ еще съ дѣтства.

Брестъ, древній городъ, въ свое время славенъ былъ въ западной Руси.

Начало его относится къ весьма отдаленному языческому времени. Народное преданіе гласитъ, что когда-то, очень-очень давно, какой-то богатый *гость* (купецъ), не могшій пробраться чрезъ вязкія болота

съ огромнымъ количествомъ всякаго товара, срубилъ плотину изъ березовыхъ деревь, завалилъ самое болото *берестою*, или *берестью* (березовая кора), и такимъ образомъ проложилъ себѣ *шляховую* дорогу (битую, твердую). Въ память избавленія своего изъ этихъ болотъ, проѣзжій гость построилъ капище и тамъ принесъ жертву *поганскому* (языческому) своему богу *Вялесу*. А самое мѣсто, въ воспоминавіе срубленной изъ березы плотины, назвалъ онъ *Берестенемъ*, *Берестемъ*, изъ чего впослѣдствіи явился Брестъ. Сбывъ весьма выгодно въ Литвѣ товары, онъ возвратился на это же мѣсто и тутъ основался вмѣстѣ съ своею дружиною. Преданіе ничего не говоритъ, какого племени былъ этотъ купецъ, откуда пріѣхалъ онъ и что заставило его основаться на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ чуть было не погибъ въ болотахъ. Должно думать, что купецъ имѣлъ какой нибудь промышленный расчетъ и, конечно, не ошибся, что тамъ поселился; вскорѣ стали возлѣ него селиться разные кочующіе народы или племена. Впослѣдствіи славянскія племена имѣли уже тамъ постоянныя свои осѣдлица, свои колоніи и, по древнему обычаю, *острогъ* (завіе, обнесенное остроко-нечными кольями и валомъ, нѣчто въ родѣ крѣпости), а потомъ соорудили *городокъ* съ замкомъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ находится крѣпость, именно на правомъ берегу Буга, при впаденіи въ него Мухавца. Такую осѣдность славянскихъ пле-

менѣ въ этихъ мѣстахъ нужно относить по крайней мѣрѣ къ X, если не къ IX вѣку (а можетъ быть и раньше). Хроника польская свидѣтельствуетъ, что Болеславъ Храбрый первый овладѣлъ этими колоніями, или поселеніями, въ 1020 г. и присоединилъ ихъ къ своимъ землямъ, а потомъ князь кіевскій Ярославъ отнялъ ихъ въ 1044 году. За тѣмъ часть этихъ колоній сдѣлалась достояніемъ Скирмунта, котораго выгналъ изъ Берестя, въ 1164 году, Мстиславъ, князь луцкій и пинскій. Въ 1182 году Казимиръ Справедливый присоединилъ къ Польшѣ всѣ колоніи брестскія и построилъ надъ рѣкою Бугомъ, на возгорьѣ, окруженномъ болотами, оборонительный замокъ, который вскорѣ былъ разрушенъ Монголами. Съ этого времени Берестовъ, Берестъ, переименованъ польскими хронологами въ Брестъ (Brzest). Постройку новаго лучшаго замка приписываютъ волинскому князю *Владимиру*, прозванному *Философомъ*, въ 1275 году; замокъ этотъ былъ въ видѣ огромнаго каменнаго *столба* съ башнями и подземельями, на подобіе того, какой можно видѣть до сихъ поръ въ *Каменцѣ-литовскомъ*, что надъ рѣкою Льсною, въ 35-ти верстахъ отъ Бреста. Видно, въ тѣ времена Брестъ былъ уже значительнымъ городомъ, потому что въ 1289 году Мстиславъ Даниловичъ, князь владимірскій и луцкій, наложилъ на жителей его, за какую-то *крамолу*, большія подати. Въ 1296 году, Брестъ присоединенъ былъ къ туровскому кня-

жеству и въ немъ жилъ православный епископъ туровскій.

Въ началѣ XIV вѣка, Брестъ окончательно вошелъ въ составъ княжества литовскаго, и съ этихъ поръ онъ становится центромъ довольно значительныхъ событій. Прежде всего, въ 1379 году, Брестъ испыталъ тяжкую годину отъ крестоносцевъ: предводитель ихъ, Теодорикъ Эльнеръ, напалъ на него врасплохъ, ограбилъ и выжегъ почти весь городъ, пощадилъ только замокъ. Во время смутъ въ Литвѣ, въ правленіе язычествовавшаго еще Ягеллы, брестскій замокъ былъ убѣжищемъ литовскихъ князей, преслѣдуемыхъ имъ: Кейстута, Бируты и Витовта. Въ Брестѣ не разъ также проживалъ и самъ Ягелло.

Въ 1390 году, Брестъ опять окрѣпъ и получилъ права *магдебургскаго* мѣщанства за *привилеемъ*, выданнымъ въ Краковѣ, въ которомъ, между прочимъ, упоминается о существовавшемъ въ Брестѣ православіи и русской церкви св. Николая, при которой впоследствии времени учреждено было, для взаимнаго вспоможенія въ исполненіи гражданскихъ и религіозныхъ обязанностей, такъ называемое православное русское *братство*, устроившее типографію и два училища. Ягелло первый основалъ въ Брестѣ христіанскіе храмы, расширилъ городъ и способствовалъ торговлѣ дозволеніемъ селиться въ немъ иноземнымъ купцамъ. Витовтъ еще болѣе рас-

пространилъ христіанство въ Брестѣ и давалъ полную свободу брестскимъ Литовцамъ принимать *русскую веру*; онъ даже покровительствовалъ русскимъ Брестянамъ, и въ 1408 году освободилъ ихъ отъ магдебургскаго права. Витовтъ, равно какъ и Ягелло, извѣстные покровители жидовъ, позволили имъ селиться въ Брестѣ: отсюда — ихъ многочисленность въ Брестѣ, ихъ значеніе и даже успѣхъ въ торговлѣ.... Витовтъ позволилъ имъ построить синагогу, за *привилеемъ* отъ 25-го сентября 1511 года, выдалъ даже глину и кирпичъ даромъ — и вотъ явилось чудное зданіе синагоги, которое недавно сгорѣло. Въ 1500 году, Брестъ много потерпѣлъ отъ нападеній перекопской Орды; впрочемъ, замокъ уцѣлѣлъ, хотя отчасти и былъ поврежденъ. Но болѣе всѣхъ для Бреста сдѣлалъ Сигизмундъ — Августъ, особенно послѣ того, какъ онъ въ Брестѣ, въ 1554 году, получилъ извѣстіе о возведеніи его на престолъ литовскаго княжества.

Во второй половинѣ XVI вѣка, Брестъ былъ мѣстомъ пребыванія Радзивилловъ. Въ 1562 году, Николай Радзивиллъ Черный, брестскій староста, ввелъ въ Брестѣ протестантизмъ и кальвинизмъ; устроилъ богатую типографію, изъ станковъ которой въ 1563 году вышла въ свѣтъ извѣстная въ библиографическомъ отношеніи кальвинская Библія, названная *радзивилловскою*. Съ 1609 года въ Брестѣ появи-

лись іезуиты и основали коллегіумъ и разныя другія школы.

Въ концѣ XVI вѣка, Брестъ былъ свидѣтелемъ порожденія уніи, а въ 1657 г. сильно пострадалъ отъ опустошеній, произведенныхъ въ немъ седмиградскимъ княземъ Ракочи и потомъ королемъ Густавомъ-Адольфомъ. Несмотря на свою неукрѣпленность, Брестъ сильно отстаивалъ нападеніе Густава, такъ что король удивился такой смѣлости города и, въ память того, велѣлъ начертить планъ осады Бреста. Въ 1661 г., Янъ-Казиміръ обновилъ Брестъ и далъ ему средства отстроиться въ лучшемъ видѣ. Но въ 1706 году, Карлъ XII, проходя чрезъ границы Волыня, велѣлъ генералу Мейерфельду осадить Брестъ.

Со смертью Августа III, Брестъ сдѣлался конфедераціоннымъ городомъ: сила іезуитовъ упала, укрѣпилась унія; базилиане основали семинаріи, завели публичныя лекціи, устроили богатую бібліотеку и утвердили уніатское епископство.

Наконецъ Брестъ вошелъ въ составъ русской монархіи, и не стало уніи.

Такова исторія древняго Бреста до 1831 года. Въ этомъ году, на мѣстѣ древняго города построена крѣпость перваго разряда, главное украшеніе которой составляютъ царскій дворецъ и кадетскій корпусъ; въ двухъ верстахъ отъ прежняго явился новый городъ, подъ названіемъ *кобринскаго и волынскаго*

предмѣстій; первое извѣстно также подъ именемъ васильевскаго острова.

Такимъ образомъ нынѣшній Брестъ состоитъ изъ двухъ частей : крѣпости, или стараго Бреста, и предмѣстій, или новаго Бреста.

Въ настоящее время въ обѣихъ частяхъ считается 18,000 жителей.

Такъ какъ Брестъ въ разныя времена заселяемъ былъ іезуитами, реформатами, кальвинцами и униатами, то и храмовъ иновѣрческихъ было немало. Всѣ они мѣстились въ старомъ городѣ. Изъ всѣхъ этихъ обществъ иновѣрческихъ осталось только общество доминиканцевъ, для котораго строится вмѣсто прежняго новый костелъ на кобринскомъ предмѣстьи, или на васильевскомъ острову. Прочіе костелы и монастыри упразднены : на мѣстѣ ихъ явились величественныя и изящныя зданія крѣпости. Тамъ, гдѣ былъ бернардинскій костелъ и монастырь бернардинокъ, теперь кадетскій корпусъ; гдѣ былъ монастырь августинцевъ, теперь — комитетъ крѣпостныхъ инженеровъ; гдѣ былъ іезуитскій коллегіумъ, теперь—домъ коменданта крѣпости; гдѣ былъ монастырь базилианскій, или униатскій, теперь—соборная православная церковь во имя Св. Симеона Столпника. Кромѣ того, снесены римско-каголическій соборъ, или фара, униатскія церкви Св. Михаила, Св. Троицы; также упраздненъ монастырь православный и костелы реформатовъ и кальвиновъ. Вмѣсто униат-

скихъ церквей и православнаго монастыря построена, въ крѣпости, при корпусѣ, православная церковь во имя Св. Александра невскаго. Есть еще третья церковь православная въ Брестѣ, — деревянная, кладбищенская, на кобринскомъ предмѣстьи, построенная усердіемъ купечества; но она не имѣетъ отдѣльнаго причта и приписана къ соборной семеновской. Такимъ образомъ, обѣ церкви православныя находятся въ крѣпости, а въ новомъ Брестѣ предназначена постройка новой каменной, на главной площади города, извѣстной подъ именемъ *почтовой*.

Новый городъ, состоящій изъ двухъ предмѣстій: волынскаго и кобринскаго, и опоясанный Бугомъ, при сліяніи съ нимъ, внутри стараго Бреста (крѣпости), рѣкъ Шлеерки и Мухавца, соединяющихъ, посредствомъ такъ называемаго королевскаго канала, Припеть съ Бугомъ и слѣдовательно черное море съ балтійскимъ, можно назвать довольно красивенькимъ и щеголеватымъ городомъ; весь онъ лежитъ на низкомъ, индѣ илистомъ, индѣ песчаномъ грунтѣ, окруженномъ многочисленными протоками и пространными полостями болотъ, недоступныхъ къ жительству и заливаемыхъ, весною, водами соединенныхъ рѣкъ; но при всей болотистой мѣстности, въ самомъ городѣ не найдете топкой, массивной грязи. Зданія предмѣстій неодинаковы: на кобринскомъ почти все деревянныя, маленькія, одно-этажныя и

разбросаны безъ всякаго опредѣленнаго размѣра, зато окаймлены красивенькими садиками и цвѣтниками. На волинскомъ предмѣстѣи, именно возлѣ почтовой площади, зданія болѣе каменные, во вкусѣ новѣйшей архитектуры, довольно изящныя и большія, а нѣкоторыя даже громадны, по отношенію къ провинціи; улицы правильныя, широкія и довольно длинныя. Къ числу лучшихъ каменныхъ зданій можно отнести почтовую контору и почтъ-станцію съ существующимъ при ней трактиромъ и пассажирскими комнатами, кафе-ресторанъ Гробелли и рядъ домовъ, въ которыхъ помѣщаются лавочки, лавки и магазины съ такъ называемыми варшавскими товарами.

Что касается до внутренняго быта жителей предмѣстій, то онъ довольно монотоненъ, однообразенъ; ни въ одномъ изъ предмѣстій нѣтъ ни театра, ни другихъ какихъ либо постоянныхъ мѣстъ для общественныхъ увеселеній. Если что и бываетъ въ подобномъ родѣ иногда по временамъ, то развѣ въ крѣпости. Для гулянья жители новаго Бреста отправляются или въ крѣпостной садъ, или, за шесть верстъ, въ деревню Боровую, замѣчательную своимъ красивымъ мѣстоположеніемъ, густымъ, таинственно-мрачнымъ дубовымъ лѣсомъ, большимъ садомъ и скороспѣлою гостинницею; въ Боровую собираются обыкновенно Брестяне для такъ называемыхъ *маёвокъ*, т. е. для майскихъ гуляній.

За неимѣніемъ лучшаго, поблизости, мѣста для прогулокъ, ново-Брестяне гуляютъ также по песчаной, довольно неровной набережной Буга и любятъся на ряды безчисленныхъ барокъ и струговъ, пригоняемыхъ изъ пинскаго уѣзда *кавтуноватыми* Пинчуками. Нужно замѣтить, что эти добрые и наивные Пинчуки въ огромныхъ дегтярныхъ сапогахъ и засмоленныхъ зппунахъ стоятъ вниманія, а въ особенности вниманія тѣхъ, которые никогда не видѣли ихъ. Не говорю о томъ, что васъ поразитъ и остановитъ оригинальное, народное мѣстное ихъ нарѣчіе, полѣское, не совсѣмъ понятное для жителей великорусскихъ губерній. Но сколько бы удовольствія и наслажденія испыталъ вы, еслибъ увидѣли, какіе употребляютъ они жесты, тѣлодвиженія, размахи руками, когда объясняются межъ собою дружески.

На набережной я сполчасъ любовался на знакомыхъ мнѣ еще въ дѣтствѣ добрыхъ Пинчуковъ; увидѣ ихъ, мнѣ невольно вздумалось купить у нихъ вкусныхъ *вяюновъ* (рыба, похожая въ миниатюрѣ на угрей), которыхъ они, между прочими товарами (льнянымъ сѣменемъ, пшеномъ, свинымъ саломъ, сушеными ершами и копчеными сомами), развозятъ обыкновенно по всей минской губерніи и даже по брестскому уѣзду. Я не вытерпѣлъ, чтобъ не поговорить съ Пинчуками.

На одной, довольно громадной баркѣ сидѣли четыре здоровыхъ, краснощокыхъ, среднихъ лѣтъ пар-

ни, съ *пипками* (коротенькія трубки) въ зубахъ, и разсматривали только что выгруженное ими тучное, матовое какъ воскъ, копченое свиное сало. Я взошелъ къ нимъ на барку.

— Роді Боже! привѣтствовалъ я ихъ.

— А дякуемо (спасибо), господыну! отвѣчали они, вставши и поклонившись.

— Вѣткіле вы, братики (откуда вы братцы)?

— А такъ собі, зъ Давыдъ-городка!...

Тутъ они посмотрѣли другъ на друга и начали шептаться межъ собой; ихъ, конечно, удивило, что я заговорилъ съ ними по полѣски.

— Чый вы зъ нашихъ?

— А я бувъ тамъ и вѣдаю... Чы јистъ у васъ тамо господынъ Яхимовичъ?

Панъ Данымо? о јистъ, јисты!... Та вонъ нашъ добрый панотчекъ... А кій голосистый! Якъ трубно. ажно вси серденьки залякае. Мы јого, що такъ скажемо, кохаемъ, ажнѣ и отчинька его не залегали столыки-тольки... Чы вы не чули господыну, же въ јго и отчинька нима, затурмонився къ дидамъ *на хавтуры* (отошелъ къ предкамъ, на тотъ свѣтъ). Ба вже въ насъ сыгъ јго Данымо!

— А коли жъ вы посмычете до себе (когда отправитесь домой)?

— Чы ни чрезъ-по-завтра ке на параньи. (Да кажется, послѣ-завтра, съ разсвѣтомъ).

— Кланійтися пану Данымъ...

Сказавъ имя свою фамилію, которую они напрасно старались затвердить для памяти, и купивъ у нихъ выюновъ, я отправился на кобринское предмѣстье—взглянуть на археологическую рѣдкость, о которой я столько разъ слышалъ въ Минскѣ и въ Варшавѣ. Эту рѣдкость составляетъ огромный курганъ на правомъ берегу Мухавца, окруженный многочисленными насыпными копцами и наполненный странной формы камнями. Народное преданіе гласитъ, что этотъ курганъ — остатокъ древняго языческо-литовскаго, или ятвяжскаго капища богини Мажанны, упоминаемой до сихъ поръ въ пѣсняхъ и легендахъ жителей нынѣшней гродненской губерніи; что вокругъ этого кургана былъ большой, густой лѣсъ, и разбросаны какіе-то будто бы обтесанные камни съ рѣзными фигурками, обрызганные кровью. Но когда срубили этотъ лѣсъ, то простой народъ, жившій въ деревняхъ по ту сторону Мухавца, полный еще суевѣрныхъ, языческихъ воспоминаній, собралъ всѣ эти камни и свалилъ ихъ въ одинъ гуртъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ было капище Мажанны. Тоже преданіе твердитъ, будто слѣды крови на камняхъ отъ приносимыхъ жертвъ этому кровавожадному божеству сохранились до сихъ поръ. Но я напрасно старался повѣрить это преданіе: я не нашелъ камней—ихъ нѣтъ въ настоящее время; говорятъ, всѣ они лежатъ внутри кургана; да и самый курганъ и копцы приняли видъ далеко не мифоло-

гическій и получили назначеніе болѣе общежитейское : вокругъ кургана и концовъ разводить публичный садъ, или паркъ; главный, большой курганъ превращенъ въ какой-то Парнасъ съ извилистыми, спиральнообразными дорожками, обсаженными цвѣтами и маленькими деревцами. Одно, что можетъ нѣкоторымъ образомъ наводить на языческое происхожденіе кургана и концовъ, это то, что въ настоящее время возлѣ парка (а прежде, до разведенія парка, на самомъ курганѣ) бываетъ народное гулянье въ юрьевъ день, съ плясками, хороводами и пѣснями. Странно, почему это гулянье бываетъ въ юрьевъ день, который не имѣетъ никакого отношенія къ литовскому божеству Мажанны? Любопытно бы собрать эти пѣсни и узнать, о комъ или о чемъ упоминается въ нихъ — о юрьевомъ ли днѣ, или о Мажаннѣ?...

Говоря о кобрынскомъ предмѣстьи, нельзя не вспомнить о двухъ брестскихъ ярмаркахъ : одной — на *Десятуху* (на 10-й недѣлѣ послѣ Пасхи), а другой — на Николая (9-го мая); послѣдняя извѣстна подъ именемъ контрактовъ, на которые съѣзжаются обыкновенно сосѣдніе полѣвскіе помѣщики, частію для выборовъ, частію для сбыта запаса сельскихъ продуктовъ; на ту и другую ярмарки привозятся въ городъ произведенія уѣзда, какъ-то : хлѣбъ, ленъ, льняное масло, сырыя кожи, овчины, пенька, деготь, щетина и проч.; все это скупаютъ брестскіе

купцы,—больше жида; и въ значительныхъ количествахъ сплавляютъ отсюда, на небольшихъ баркахъ, по Бугу до Вислы и по ней нерѣдко до Данцига, а слѣдуя обратно бичевою, вывозятъ изъ Данцига и Варшавы разныя матеріи, сукна, москотильный и колоніальный товаръ. Главный оборотъ торговли Бреста не менѣе 650,000 рублей.

Кобринское предмѣстье замѣчательно также еврейскою синагогою, нѣкогда величественною, но послѣ пожара значительно утратившею это величіе.

Разсмотрѣвъ замѣчательности Новаго Бреста, я спѣшилъ на почтовую станцію; но прежде нежели добрался до нея, мнѣ надоѣдали, по дорогѣ, на каждомъ шагу, мелочные торгаши и факторы своими предложеніями. Одинъ сулилъ прекрасную, блестящую какъ серебро ваксу; другой — русскія спички, горящія въ водѣ и подъ водою; третій, вѣроятно, только что дебютировавшій на новомъ поприщѣ спекуляціи, очень неудачно расхваливалъ сливы-венгерки, бобы, груши и вмѣстѣ лежавшій съ ними козій сыръ въ пластинкахъ; четвертый — нѣчто въ родѣ папиросъ и свгаръ; пятый... ну да всего не перечесть! Я едва успѣвалъ проталкиваться сквозь наплывавшія со всѣхъ сторонъ толпы жидовъ, жи- довокъ и оборванныхъ мальчишекъ, не выпуская рукъ изъ кармановъ моего пальто. Несносные факторы не давали мнѣ покоя до самой станціи.

На станціи ожидалъ меня посланный, который

вручилъ мнѣ паспортъ и подорожную, *покорнѣйше* *прося* подписаться въ полученіи оныхъ.

Оставшись одинъ, я вздохнулъ свободно и часа два наслаждался пріятнымъ бездѣйствіемъ. А нужно замѣтить, что въ брестской станціи можно съ удовольствіемъ отдохнуть, особенно послѣ маленькихъ, незавидныхъ станцій польскихъ. Какая чистота, какая опрятность, какой комфортъ и роскошь во всемъ! Вы найдете въ этой станціи нѣсколько большихъ, высокихъ комнатъ, оклеенныхъ красивыми шпалерами, съ блестящими какъ зеркало паркетными полами; въ каждой изъ этихъ комнатъ разставлены эластическіе диваны и стулья, на окнахъ занавѣсы, зеркала и палисандровые стѣнные часы. Въ большой залѣ устроенъ небольшой чугунный *каминъ*. Мало того: въ каждой комнатѣ вы найдете во всякое время свѣжую воду въ чистыхъ графинахъ, накладнаго серебра подсвѣчники съ стеариновыми свѣчами, рукомойникъ, полотенце, щеточки и гребенки.... Развѣ это не комфортъ для усталыхъ путешественниковъ?

Къ вечеру у подъѣзда станціи явились почтовые лошади, и я распрощался съ Брестомъ.
